

Ягья В. С., Ли Минфу

Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза

Ягья Ватаняр Саидович

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
yagua@sir.edu

Ли Минфу

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений
limingfu999@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируются основные тренды развития Центральной Азии в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза и характер взаимодействия участников этого процесса, прежде всего России, КНР и Казахстана. Важное место занимает исследование внешнеполитического и геоэкономического курса Поднебесной в отношении Центральной Азии. Не обойдены вниманием и сами страны Центральной Азии, являющиеся активными акторами этих процессов. Особо подчеркивается, что для повышения своего имиджа в Центральной Азии, а следовательно, успешной реализации экономических и гуманитарных планов КНР и Россия широко используют мягкую силу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальные интересы, внешняя политика, Экономический пояс Шелкового пути, Центральная Азия, КНР, Евразийский экономический союз, Россия, Казахстан

Yagya V. S., Li Mingfu

Central Asia in the Conditions of Conjugation of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union

Yagya Vatanyar Saidovich

St. Petersburg State University (Russian Federation)
Head of Chair of World Politics of the School of international relations
Doctor of science (History), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation
yagua@sir.edu

Li Mingfu

St. Petersburg State University (Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of World Politics of the School of international relations
limingfu999@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the main trends of development of Central Asia in the conditions of conjugation of the Economic Belt of the Silk Road and the Eurasian Economic Union, and the nature of interaction between the participants of this process, especially Russia, China and Kazakhstan. It occupies an important place in the study of China's guidelines of foreign policy and geo-economy in relations with Central Asia. This is not overlooked and Central Asian countries themselves became active actors in these processes. It is especially emphasized that in order to improve its image in Central Asia, therefore, China and Russia widely use soft power to get the successful implementation of economic and humanitarian plans.

KEYWORDS

national interests; foreign policy; Economic belt "Silk Road"; Central Asia; People's Republic of China, Eurasian Economic Union, Russia, Kazakhstan

В XXI в. четко определилась новая тенденция в развитии мирового сообщества — рост значения Азии и особенно Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Неслучайно в США провозглашен курс на возврат в Азию, а в России осуществляется поворот в эту часть света. Особое внимание в мире уделяется Китаю, чья все растущая политическая, экономическая, военная и гуманитарная мощь вывела эту страну в центр глобальной экономики и политики.

Китай, проводя многовекторную внешнюю политику по реализации своих национальных интересов, активен в отношениях со странами Запада, СНГ, Азии, Африки и Латинской Америки. Появилась даже своеобразная идеологема «Россия поворачивается на Восток, а Китай — на Запад»¹. В ее подтверждение приводятся, например, такие факты, как недавний призыв Пекина создать зону свободной торговли с ЕС, состоявшийся в июне 2015 г. 7-й раунд американо-китайского стратегического диалога², достигнутая договоренность США и КНР об установлении прямых контактов между сухопутными войсками³, весьма торжественно обставленные визиты Председателя Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 г. и в Великобританию в октябре того же года, достигнутые тогда договоренности⁴.

И это несмотря на замедление темпов роста ВВП и падение внешнеторгового оборота Китая в 2014–2015 гг. Его роль в глобализации и регионализации экономики и политики остается и в этих условиях значительной. Поднебесная по-прежнему определяет многие направления развития в мировом сообществе, особенно в АТР. В мире ее не перестали рассматривать как локомотив развития. В самом Китае предпринимаются значимые меры по совершенствованию стратегии развития рыночной экономики и стабилизации внешних связей. Некоторые из них прозвучали на 14-й ежегодной встрече глав правительств стран ШОС. Речь идет, например, о предложении председателя Госсовета Китая Ли Кэцзяна заключить в рамках этой организации соглашение об облегчении условий торговли и таможенных процедур. Премьер-министр России поддержал эту инициативу⁵.

О приоритетном стратегическом партнерстве России и Китая свидетельствуют, в частности, высокочисленные документы, подписанные в двустороннем и многостороннем порядке во время саммитов БРИКС и ШОС в июле 2015 г. в Уфе. Очень актуально в этой связи высказывание Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в России Ли Хуэя о вступлении обоих государств в новый этап всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, о постоянном росте доверия между обеими странами и о возникновении у них «невиданных ранее возможностей для

¹ См. например: *Скосырев В.* Россия поворачивает на Восток, а Китай — на Запад // Независимая газета, 1 июля 2015 г.

² *Скосырев В.* Сверхдержавы пытаются поделить мир // Независимая газета, 22 июля 2015 г.

³ Бегущая строка на телевизионном канале РБК, 12 июня 2015 г. в 7.15 московского времени.

⁴ См. например: Xi' State Visit // International, 20 October 2015; A. Bounds. Xi Adds His Voice to Enders Keen for UK to Stay in Europe Union // Financial Times weekend. 24–25 October 2015; Anderlini J. and Parker G. The Pomp and the Circumstance // Financial Times Weekend. 24–25 October 2015.

⁵ *Едовина Т.* Россия и Китай прицелились к единым правилам торговли // Коммерсантъ, 16 декабря 2015.

развития практического сотрудничества»¹. Одновременно Китай продвигает собственную инициативу, создавая региональное всеобъемлющее экономическое партнерство. Это — своеобразный ответ на предпринятые США шаги по организации Транстихоокеанского партнерства, о чем уже в октябре 2015 г. было подписано двенадцатью странами специальное соглашение². Китай в свою очередь осуществил еще одну весьма крупную экономическую акцию, создав Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом в 100 млрд долл. Его участниками стали 57 стран, включая Россию.

Словом, конфигурация мирополитических и глобальных геоэкономических отношений на мировом пространстве исключительно динамична, полна неожиданных сдвигов, перемен и трендов, а также новых подходов в оценке происходящего.

В свете провозглашенного курса на формирование отношений нового типа с партнерами в мировой политике Пекин озабочен теоретическим осмыслением происходящих процессов на этом пути. Неслучайно даже руководитель Си Цзиньпин призвал к обновлению марксистской теории в соответствии с осуществляющимися в стране реформами. К этой работе будут привлечены крупнейшие китайские ученые³. Показательно в этом отношении также мнение ректора Института международных отношений министерства иностранных дел КНР Цинь Яцина. Он полагает, что Китай должен иметь собственные теории международных отношений⁴.

Поиск новых теоретических положений в контексте развивающихся мирополитических и глобально-экономических процессов связан еще и с тем, что Китай инициировал крупнейшие проекты, получившие названия «Экономический пояс Шелкового пути» (далее — ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века». Их реализация, рассчитанная на десятилетия, должна по замыслу руководителей страны, опирающихся на творческие разработки ученых и практиков, воедино связать обширные пространства Евразии, регионов Азии и Европы, да и Африки, а также тихоокеанских островных государств и, возможно, латиноамериканских стран.

При этом в России кое-кто из экспертов говорил, что китайский проект «Один пояс — один путь», под которым обозначается совокупность ранее названных двух проектов, нанесет ущерб интересам России в Центральной Азии⁵. Подобным утверждениям возражали обоснованно как российские, так и китайские участники различных дискуссий, встреч, бесед, конференций. С нашей точки зрения, особый интерес Китая к Центральной Азии, как и России, обусловлен ее геостратегическим положением, связывающим ключевые районы обоих государств. Ей свойственна также уникальная геопарадигма развития России, которая, как справедливо пишет И. В. Зеленева [2, с. 97], «закладывалась уже в VIII–XII вв. в процессе объединения русских земель» в пространстве Каспийского, Черноморского и Балтийского регионов. Аналогичная парадигма в отношении Центральной Азии сложилась и у Поднебесной в ходе ее исторического пути.

Центральная Азия была и остается предметом пристального внимания экспертов, наблюдателей, политиков, ученых, когда речь идет о перспективах ЭПШП. Еще до шелко-путевых инициатив, многие из них предсказывали китайско-российские противоречия в Центральной Азии. Заместитель директора Института экономики

¹ Москва — Пекин. Российско-китайское бизнес-ревю. 2015, № 2, июль. С. 21.

² Ремчукова В. США и Китай создают новые правила международной торговли // Независимая газета, 12 октября 2015; Торговое соглашение XXI века // Независимая газета, 30 декабря 2015.

³ Башкатова А., Сергеев М. Китай возрождает марксизм, подгоняя его под противоречия своей экономики // Независимая газета, 27 декабря 2015.

⁴ 秦亚青. 国际关系理论亦需多元发展 // 人民日报. 11.02.2015. (перевод: Цинь Яцин. Теория международных отношений должна развиваться разносторонне // Женьминь Жибао).

⁵ Скосырев В. Россия может остаться на обочине Шелкового пути // Независимая газета, 16 июля 2015 г.

РАН С. Глинкина вообще полагала, что «Россия шаг за шагом сдает позиции» в этом регионе¹. Она и другие эксперты, говоря о сложностях в отношениях двух великих держав касательно этого региона, ссылались, например, на то, что торговый оборот КНР с центральноазиатскими странами в 2012 г. составлял 45 млрд долл., а в последующие годы он перевалил за 50 млрд долл., а у России данный показатель заметно ниже. Растут также китайские инвестиции в государства Центральной Азии. Велика роль Казахстана в капиталовложениях из Китая. КНР уже инвестировала сюда 27,1 млрд долл. Но Россия не располагает такими финансовыми ресурсами, золотовалютные резервы России составляют около трети китайских запасов, оцениваемые чуть ли не в один триллион долларов.

«Чтобы Россия не была окончательно вытеснена с рынка Центральной Азии, — писала С. Глинкина, — надо вкладывать туда средства»². С. Глинкина в доказательство своей точки зрения приводит ошеломляющие размеры зависимости России от Китая: Россия в 4,5 раза «больше зависит» от Поднебесной. Однако она признает, что «Пекин вовсе не желает принести нам (т. е. России — авт.) ущерб», в том числе, и, по нашему мнению, территориальный, на что, кстати говоря, часто ссылаются российские алармисты, опасаясь возможных потерь Россией земель, если позволить китайцам поселиться на них и вести там сельское хозяйство.

Возражая им, мы, авторы этой статьи, считаем необходимым привести здесь выдержку из очень содержательной статьи, к сожалению, ныне покойного выдающегося ученого, академика РАН Николая Петровича Шмелева. «История, — подчеркивает он, — многому учит: она, между прочим, учит и тому, что за одним, по существу, исключением (Индокитай) Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энерго-сырьевой и водной базы, во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции, в-третьих, облегчение условий для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части его населения в поисках сфер занятости и приложения своих капиталов» [7, с. 351]. И эта очень длинная цитата завершается весьма примечательной фразой словно предтечей такого масштабного развития российско-китайских отношений, что наблюдается с 2014 г.: «К настоящему времени, — делает вывод Н.П. Шмелев из своих рассуждений о Китае и России, — политическая база для долговременного сотрудничества и взаимодействия создана».

Конечно, Пекин, строя отношения с Россией в отношении Центральной Азии, расширяет свои связи с государствами этого региона, особенно с Казахстаном. С ним Китай уже подписал соглашения по 52 проектам. Ли Кэцян на упомянутом форуме ШОС пообещал увеличить финансовую помощь центральноазиатским странам, включая, разумеется, Казахстан. Однако экономические и финансовые возможности России для наращивания своего присутствия в Китае ограничены, и потому у некоторых экспертов возникает представление о вытеснении ее Пекином из Центральной Азии³.

Надо иметь в виду особый характер отношений России и Казахстана. Посол России в Астане М. Бочаров подтвердил высокий уровень стратегического партнерства двусторонних отношений России и Казахстана [1, с. 12]. В отношении Казахстана целесообразно привести высказывание президента этого государства Н.А. Назарбаева:

¹ Там же.

² Там же. См.: *Скосырев В.* На Шелковом пути из Китая в Европу множество ухабов // Независимая газета, 10–16 июля 2015 г.

³ См.: *Скосырев В.* РФ и КНР поделят ответственность за Центральную Азию // Независимая газета, 29 декабря 2015 г.

«Казахстан, являясь центром Евразии, будет играть роль экономического и культурного связывающего звена между тремя быстро растущими регионами — Китаем, Россией и мусульманским миром»¹. Теперь понятна особая заинтересованность Пекина в Казахстане, который, несмотря на членство в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС), стремится не ограничивать связи с Китаем. При этом важно учитывать, что, как сказал посол Китая в Москве Ли Хуэй, «Китай и Россия — дружественные соседи стран Центральной Азии... Поэтому, развивая отношения с этими странами (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан — *авт.*), КНР и Россия не конкурируют, а наоборот, — сотрудничают»². Нельзя не упомянуть еще одно заявление Ли Хуэя. «Китай, — сказал он, — неуклонно идет по пути мирного развития. Развитие Китая не несет ущерба для других стран, а, наоборот, открывает широкие возможности для всеобщего развития»³.

Таков ответ скептикам позитивности сотрудничества Китая и России, в том числе и в отношении деятельности этих государств в Центральной Азии. Конечно, у каждого из них свои национальные интересы: они могут совпадать, различаться, пересекаться в своих параметрах, но целеполагание Москвы и Пекина в политике, включая Центральную Азию, состоит в сопряжении ЭПШП и ЕАЭС, куда, помимо России и Казахстана, из центральноазиатских государств входит еще Киргизия. Именно такой путь предлагает Россия по реализации задач и целей ЕАЭС и ЭПШП. Их сопряжение в процессе евразийской интеграции получило понимание и поддержку и в руководстве КНР. Высшие руководители обоих государств договорились об интеграции России в проект ЭПШП. Российский журналист М. Зотик, анализируя геополитические аспекты этих российско-китайских договоренностей, отмечает, что Россия, таким образом, «получает возможность глубже войти со своими интересами в регионы Центральной Азии, которые в силу ряда политических причин отделились от Москвы в постсоветское время»⁴.

Интерес к расширению и углублению сотрудничества с Поднебесной присущ не только России, но и самим центральноазиатским странам, которые в политико-территориальном и геоэкономическом отношении представляют собой очень важный пространственный комплекс для интеграционных процессов в Евразии. Будучи в начале сентября 2015 г. в Пекине на праздновании 70-летия победы китайского народа над японскими захватчиками и окончания Второй мировой войны, руководители этих государств возвращались по завершении торжеств воодушевленными подписанными контрактами и договорами на долгосрочные инвестиции Китая в различные отрасли их экономик и иные сферы жизнедеятельности⁵. Однако в перечне высших руководителей 30 стран, присутствовавших в те дни, не оказалось президента Туркменистана. Но он бывал в Пекине и до, и после этих торжеств. В конце 2015 г. президент Туркменистана активизировал свои действия по реализации проекта газопровода ТАПИ и Транскаспийского газопровода, надеясь при этом на помощь Китая и России.

Интерес Пекина к Центральной Азии, как считает видный российский китаевед А. Лукин, имеет «в основном не экономический, а стратегический характер, но не

¹ Стратегическая программа Развития «Казахстан-2030» // Официальный сайт TESTENT URL: <http://testent.ru/index/0-94>.

² Китай не претендует на гегемонию в БРИКС. Москва и Пекин противодействуют террору в Центральной Азии. Интервью с послом КНР в РФ Ли Хуэем // Независимая газета, 3 июля 2015 г.

³ Ли Хуэй. Россия и Китай: новое партнерство в меняющемся мире // Дыхание Китая. Российская газета / Международное радио Китая. 2015 г. июль, № 4. С. 6.

⁴ Москва — Пекин. Российско-китайское бизнес-ревю. 2015, № 2, июль. С. 65.

⁵ Симонян Ю. Напряженность в содружестве // Независимая газета-Дипкурьер, 7 сентября 2015 г.

в плане установления контроля, а в смысле устранения исходящих отсюда угроз нестабильности и терроризма. Большая часть этих вопросов имеет отношение к безопасности, а не к экономике» [4]. По-видимому, все-таки для Китая важность Центральной Азии велика как с геэкономической, так и геостратегической точек зрения, притом на равной основе.

Одна из основных причин такой важности этого региона для Китая состоит в том, что Центральная Азия — это важный канал поставок нефти и, особенно, газа в Поднебесную. Казахстан и Туркменистан обладают огромным потенциалом для бесперебойного и крупномасштабного энергоснабжения Китая. Тем самым обе эти страны играют роль диверсификатора поставок ценного энергосырья для Китая. Кроме того, ориентация на этих поставщиков позволяет Пекину удерживать баланс экономического развития собственных западного и восточного регионов. Конечно, нельзя не учитывать и значение Центральной Азии для реализации идей ЭПШП.

Именно через Центральную Азию, как записано в исключительно важном документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути в XXI веке», подготовленного и опубликованного 28 марта 2015 г. Государственным комитетом по развитию и реформе вместе с Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР, пролегают основные маршруты экономического пояса из Китая в Россию и далее в Европу (до Балтийского моря), в Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря. В нем предусмотрено также использование уникальных географических преимуществ Синьцзяна как окна на Запад и углубление обмена и сотрудничества со странами Центральной Азии¹.

Особенно важно для Китая также быстро транспортировать грузы в Европу через Центральную Азию и Россию, но с 14 января 2016 г. они пойдут по транскаспийскому пути через Казахстан, Азербайджан и Грузию. Участвует в этом и Украина, куда будут поступать китайские товары.

Еще одна причина интереса к региону состоит в том, что задачей Китая остается ослабление антикитайских настроений в регионе. На сегодняшний день в центральноазиатских странах опасение «китайской угрозы» из-за стремительного роста мощи Китая еще широко распространено, потому что стереотипы восприятия Китая большинством населения региона далеко не ушли от того, что формировалось в 1960–1970-е годы, когда в Советском Союзе разворачивалась антикитайская кампания.

И четвертая причина — это требование национальной безопасности Китая в борьбе с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Вследствие ухода США и их союзников из Афганистана возможно ухудшение ситуации с безопасностью на западной границе Китая, да к тому же возросли опасения в связи с обострением конфликтности в Сирии. Вот почему Пекин намерен углубить сотрудничество с центральноазиатскими странами в рамках ШОС как механизма достижения стабильности в регионе.

Хотя настаивает точка зрения доктора исторических наук А. А. Князева о том, что «ШОС в слишком малой степени функциональная организация, и эта функциональность все больше снижается, сводя все к роли переговорной площадки», что «на Западе одно время серьезно опасались ШОС как альтернативы западноцен-

¹ Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути в XXI веке. Издано с санкции Госсовета КНР. Март 2015 г. — Текст на русском языке препровожден одному из авторов статьи Генеральным консульством КНР в Санкт-Петербурге 16 апреля 2015 г. Документ 2015 № 028.

тричному мироустройству» и что «судя по всему, опасалась зря»¹. Вместе с тем этот известный российский эксперт по Центральной Азии и Ближнему Востоку убежден в том, что «ШОС — инструмент продвижения экономических интересов Китая на пространстве этой организации». Мы полагаем, кстати, что Шанхайская организация сотрудничества становится мощным фактором сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза.

Судя по всему, государства Центральной Азии предпочли китайский проект, не отказываясь при этом от сотрудничества с Россией. Однако нельзя не согласиться с мнением К. Е. Мещерякова, что «в 1991–2012 гг. внешняя политика России в Центральной Азии была недостаточно эффективной и изобиловала различными проблемами» [5, с. 8]. Такая ситуация была и в последующие годы. А отсюда ясно, что китайское присутствие в Центральной Азии усилилось. Но здесь не должно быть выводов алармистского характера, который присущ статье Г. Зотова «В желудке у дракона»². После этого весьма удручающего названия следует вводное предложение (врезка), характеризующее действия Китая в Средней Азии как циничные, но являющиеся в то же время хорошим примером для России, «как выстраивать отношения с соседями, не раздавать деньги в обмен на обещания дружбы, а извлекать выгоду из экономик сопредельных государств»³.

Приводя факты экономического присутствия Китая в Центральной Азии (например, выделение в 2012 г. среднеазиатским государствам кредитов на 2 млрд долл.), автор приводит также сведения о территориальных претензиях Пекина к ним. Как бы там ни было, необходимо иметь в виду признаваемый и Москвой политический постулат: «У мировой державы должно быть зримое и осязаемое присутствие в мире». Оно ведь обеспечивается не только классическими методами, но и мягкой силой, компонентами которой являются, например, инвестиции и распространение языка (китайского, русского, английского, турецкого и др.).

Не случайно из Москвы и Пекина раздаются призывы об усилении образовательного и культурного присутствия в мире и о необходимости на порядок увеличить его в странах, где часть населения знает китайский или русский язык. Речь идет даже о гуманитарной экспансии. Наряду с экономическими проектами в сопряжении ЕАЭС и ЭПШП важное место занимает культурная составляющая в самом широком смысле этого слова. Известным подтверждением этого курса стал Восточный экономический форум в сентябре 2015 г. во Владивостоке. Там особо подчеркивалась необходимость масштабного использования российских возможностей как транспортного коридора Азия-Европа. Однако вряд ли справедлив вывод, к которому пришел А. Погосян, анализируя экономические итоги этого форума, заявив, что поворот России на Восток, являющийся уже свершившимся фактом, «обеспечивать...будут в первую очередь регионы ДФО» (Дальневосточного федерального округа)⁴. Думается, что не следует исключать из числа первоочередных проектов евразийской интеграции российские территории, примыкающие к Центральной Азии, тесно связанные с осуществлением проекта ЭПШП.

Очень интересна точка зрения главного управляющего директора «МакКинси энд Кампани» (McKinsey & company) Доминика Бартана на региональное измерение развития поворота России на Восток: «Начавшийся сейчас поворот России к Азии, крепнущие связи с Китаем — это естественное направление развития. И тот же «Экономический пояс Шелкового пути» китайский мегапроект, который мне лично очень импонирует, дает России новые возможности. Ваша страна находится на

¹ Князев А. Стоит ли Западу опасаться ШОС // Независимая газета, 13 июля 2015 г.

² Зотов Г. В желудке у дракона // Аргументы и факты, 2015, № 35.

³ Там же.

⁴ Погосян А. Инвесторы из АТР оценили предложения России // Известия, 8 сентября 2015 г.

перепутье между динамичной Азией и европейским рынком, который я бы не списывал со счетов. Географическое положение и физическая связь с рынками — важный драйвер роста»¹.

Самый крупный проект, предложенный Китаем России в рамках ЭПШП, связан с Центральной Азией, точнее с Казахстаном: Китай предлагает России построить высокоскоростную железную дорогу Пекин — Астана — Казань — Москва (не исключено, что этот путь пройдет и до Лондона). В российской столице согласились пока на финансирование Пекином сооружения лишь части этой магистрали (Москва — Казань). В Поднебесной, понимая политические и экономические проблемы, вставшие перед Кремлем к середине второго десятилетия в XXI в., пошли на соответствующие договоренности с Москвой. Конечно, следует учитывать и трудности, которые переживает сам Китай в настоящее время: здесь и заметное сокращение экспорта и импорта, снижение темпов промышленного роста, девальвация юаня. Да, и экономическая рецессия в России, обусловленная отчасти резкой девальвацией рубля, настораживает китайских бизнесменов.

Вице-премьер-министр России и одновременно полпред президента в Дальневосточном округе Ю. Трутнев, рассказывая об итогах Восточного Экономического форума, отметил особую черту китайских бизнесменов: «Больше думают»². И тем не менее немало уже с ними в России сделано и еще предстоит больше сделать: предполагается, что китайские инвестиции в Россию в ближайшие пять лет достигнут 10 млрд долл., успешно развивается Российско-китайский инвестиционный фонд, Ассоциация российских банков тесно взаимодействует с финансовыми организациями КНР и др. Россия уже сейчас заняла шестое место среди стран, куда инвестирует Китай. Преодоление трудностей в бизнес-отношениях, разумеется, потребует времени, но достигнутые сейчас договоренности, в том числе и в ходе визита президента России В. В. Путина в Поднебесную в начале сентября 2015 г., — залог будущего рывка обеих стран по всему фронту стратегического партнерства, сложившегося между ними, на что особо указывал премьер Госсовета КНР Ли Кэцян на встрече в сентябре 2015 г. с российскими гостями³.

Перспективно высказывание президента России В. В. Путина в беседе с Председателем КНР Си Цзиньпином 3 сентября 2015 г. о том, что обе страны совместно победят «все турбулентности, которые происходят в мире и в наших экономиках». «Мы, — сказал В. В. Путин, — к этому готовы»⁴. В результате двусторонних переговоров разного уровня были подписаны крупные сделки по взаимодействию в различных областях, общий инвестиционный капитал которых составил почти 30 млрд долл. Однако надо признать, что преимущественно они касаются нефте- и газопоставок России в Китай. Значительным шагом по изменению структуры российско-китайского бизнеса является соглашение о сотрудничестве между РФПИ, Внешэкономбанком России и Китайским фондом Шелкового пути в области инвестиций в приоритетные секторы экономики России и Китая. Велико значение официального документа о сопряжении инициатив ЕАЭС и ЭПШП, который представляет собой юридические межгосударственные основы совместной деятельности по согласованию шагов в сфере евразийской интеграции.

¹ *Габуев А.* «Россия находится на перепутье между динамичной Азией и европейскими рынками» // Коммерсантъ, 4 сентября 2015 г.

² *Едовина Т.* «Японцы быстрее двигаются, а китайцы больше думают» // Коммерсантъ, 23 сентября 2015 г.

³ *Ненашева И.* «Отношения России и Китая интенсивно развиваются» // Известия, 3 сентября 2015 г.

⁴ *Латухина К.* Восточная точка // Российская газета, 4 сентября 2015 г.; *Скосырев В.* Россия и Китай победят турбулентность в экономике вместе // Независимая газета, 4–5 сентября 2015 г.

Но вот позиция других членов ЕАЭС в отношении этого документа не ясна, хотя Россия все время подчеркивает, что стратегические договоренности по сопряжению касаются всех членов ЕАЭС. Об этом, а также о других проблемах ЕАЭС и сопряжения с ним китайской инициативы ЭПШП обстоятельно говорили на II международной конференции «Евразийский вызов», состоявшейся 3–4 декабря 2015 г. и проводившейся Северо-Западным институтом управления — филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ¹.

Любопытно мнение писателя А. Проханова, который, объясняя шелкопутейные политические и экономические направления внешней деятельности Пекина, особо рассматривает среднеазиатские ориентиры Китая и России, попутно допуская возможность осложнения китайско-американских отношений. Во избежание обвинений в Центральной Азии и других регионах и одновременно в целях создания мощных факторов своего присутствия в зарубежье Китай предпочитает вкладывать средства в инфраструктурные проекты. Этому служит образованный Пекином уже упоминавшийся выше Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Китай строит дороги, обеспечивающие ему доступ к источникам сырья. «Одна из них, — пишет он, — через горные перевалы Индии, Средней Азии двигается в сторону Ирана, а через Иран — в Турцию и дальше в Европу. Другие — через Среднюю Азию в сторону русских нефтяных полей Тюмени на русский Дальний Восток и на Транссибирскую дорогу, туда, где таятся несметные богатства русского Дальнего Востока и Сибири»².

Он не исключает также выход Китая к Уралу. В поле его внимания и договоренности России и Китая о возможной совместной защите Средней Азии от «Исламского государства» (ИГ, организация запрещена в России). Позиции России здесь предпочтительнее, ибо на Центральную Азию распространяются принципы и цели Организации договора о коллективной безопасности, членами которой являются, помимо России, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан. Ракетный обстрел объектов ИГ на сирийской территории, предпринятый в октябре 2015 г. с кораблей российского ВМФ на Каспийском море, — подтверждение активного участия России в борьбе против терроризма, угрожающего безопасности в том числе Центральной Азии и Китая.

Отметим, что в самих среднеазиатских странах не все спокойно. Ярким свидетельством этого являются сентябрьские экстремистские выступления (2015 г.) в Таджикистане³. Да и в китайских районах, прилегающих к Центральной Азии, особенно к Казахстану, обстановка оставляет желать лучшего. Учитывая стратегическое всестороннее партнерство Китая и Казахстана, роль первого для развития второго и геополитическое и геоэкономическое значение второго для первого, вполне понятно, почему Астана практически устранила из своей практики уйгурский фактор, сосредоточив все внимание на гармонизации отношений казахи-уйгуры и отказавшись от его использования, даже с точки зрения гуманитарной экспансии, в сотрудничестве с Китаем. Пекин, в свою очередь, выделил Астане 15 млрд долл. на строительство дорог.

Рассматривая характер взаимоотношений Китая и Казахстана, а также России с этой центральноазиатской страной, стоит признать, что сложились две весьма влиятельные геостратегические оси Пекин-Астана и Москва-Астана. Они обе играют внушительную стратегическую роль в синхронизации ЕАЭС и ЭПШП и, конечно, в уровне присутствия Китая и России в Центральной Азии. Не будет преувеличением утверждать, что Казахстан стал своеобразным мостом сопряжения ЭПШП и ЕАЭС.

¹ См.: [3; 6].

² Проханов А. Встреча на «Шелковом пути» // Известия, 25 августа 2015 г.

³ См.: Князев А. Таджикистан идет к новой гражданской войне // Независимая газета — Дипкьюрер, 21 сентября 2015 г.

Этому содействует как одна из главных стержневых ролей Казахстана в ЕАЭС, так и его уравнивающее значение в ШОС и Организации Договора о коллективной безопасности. Вместе с тем стоит упомянуть здесь и мирополитические шаги Астаны по созданию Азиатской ассоциации по аналогу ОБСЕ, ее инициативы по проведению межмусульманских форумов, крупнейших фестивалей культуры и пр.

Казахстан умело ведет свою миссию межстранового, точнее, межроссийско-китайского, ключевого посредника и умиротворителя. То же самое можно сказать и о его умении договариваться с Западом и растущими экономиками Турции, Бразилии, Республики Корея и др. Астана сумела, например, чуть ли ни сразу, как только Си Цзиньпин заявил в казахстанской столице о планах создания ЭПШП, предложить Пекину совместить эту его инициативу с собственной программой «Нурлы жол» («светлый путь»). Во время своего пребывания в Пекине в сентябре 2015 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев провел плодотворные переговоры не только с высшим политическим руководителем Китая, но и со многими ведущими бизнесменами Поднебесной.

Важное значение имеет, например, договоренность о вхождении крупнейшей энергетической компании Китая CNPC в Совет иностранных инвесторов при президенте Казахстана и о готовности фонда Шелкового пути рассмотреть вопрос о финансировании промышленных проектов Казахстана на 2–3 млрд долл. Оценивая китайско-казахстанское сотрудничество в настоящее время, характеризующееся увеличением инвестиций из Поднебесной в рамках ЭПШП и диверсификацией внешнеторговой транспортной инфраструктуры, включая направления на Европу, Иран, Ближний Восток, директор Аналитического центра МГИМО (У) А. Казанцев полагает, что «у Казахстана есть перспектива стать серьезной транспортной развилкой для Китая»¹.

Следуя линии балансирования между Китаем и Россией, Астана договорилась о создании международного финансового центра с дубайскими партнерами высокого ранга. Заработав, этот центр, по мнению директора международных программ института национальной стратегии Ю. Солозобова, превратится в мощный фактор финансирования всего евразийского партнерства, включая Россию². Этот центр, размещающийся в архитектурно искусно выстроенном шарообразном здании в Астане, где будет проходить следующая всемирная ЭКСПО, является своеобразным фактом привлекательности Казахстана на ЭКСПО-2015 в Милане. Казахский павильон стал по посещаемости третьим посла США и Италии на этой выставке, опередив Россию, занявшую четвертое место. Беспокойства в Москве по этому поводу нет никакого.

Однако нарождающаяся новая мировая статусность Казахстана, подкрепляемая, в частности, проходившим в октябре 2015 г. в Астане международным форумом «Евразийская экономическая перспектива», мотивировала проведение нескольких российско-казахстанских многосторонних и двусторонних встреч на высшем уровне. Одна из них состоялась в Сочи на российско-казахстанском форуме, где была возвращена масштабная выставка межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Корреспондент «Коммерсанта» А. Колесников, входящий в кремлевский пул журналистов, исходя из слов Н. Назарбаева, написал, что, «очевидно, форум этот должен был и правда продемонстрировать, например, что с Евразийским союзом все нормально и что просел он, едва успев привстать, просто так»³. Далее автор приводит факты, вызвавшие недовольство Н. Назарбаева: Казахстан мог бы экспортировать

¹ Панфилов В. Казахстан может стать транспортной развилкой для Китая // Независимая газета, 1 сентября 2015 г.

² Там же.

³ Колесников А. Битва за мясо под солнцем // Коммерсантъ, 17 сентября 2015 г.

мясо в Россию, а та закупает его в Аргентине, Бразилии, Уругвае; Казахстан может поставлять плодоовощную продукцию в Россию, вместо Турции и Польши, Россия импортирует клубнику из Израиля, а не из Казахстана и т. д. и т. п. Но Н. Назарбаев, перечислив все эти экспортно-импортные проблемы в рамках ЕАЭС, все же отметил, что «мы должны готовиться к рывку» после кризиса.

Критике, которой подверг экспортно-импортные неурядицы в ЕАЭС Н. Назарбаев, дал отпор президент Белоруссии А. Лукашенко на Втором форуме регионов России и Белоруссии, состоявшемся 18 сентября 2015 г. в Сочи. Но и он вынужден был признать, что «к сожалению, у нас не все получается в Евразийском союзе»¹. Словом, ЕАЭС, как и Китай, испытывают трудности в своем развитии и сотрудничестве, многие из них порождены внешним фактором, прежде всего Западом. Н. Назарбаев, заявив об этом, тем не менее не раскрыл полностью, что он имеет в виду². Однако, на наш взгляд, резкое выступление Н. Назарбаева было связано с его негодованием по поводу весьма нелюбимого выступления вице-спикера Госдумы РФ лидера ЛДПР В. В. Жириновского в адрес Казахстана, унизившего, как считается в Астане, национальное достоинство этого центральноазиатского государства и попытавшегося угрожать его независимости³.

Зав. отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН д-р полит. наук Н. К. Арбатова в своей очень содержательной статье обстоятельно изложила причины неоимперской риторики в российской политической элите и в простонародье, которая пугает соседей России, независимо от того, насколько она сопряжена с реальной политикой ее руководства: «И в Казахстане после Крыма, по мнению экспертного сообщества, изменилось восприятие России из-за опасения относительно ее возможных притязаний на северные области»⁴. И в Белоруссии забеспокоились по поводу Полесья.

Из Москвы последовали разъяснения, призванные успокоить своих соседей. Но неприятный осадок от необдуманных заявлений кое-кого из российских политиков у них остался. Тем более что в Астане озабочены проблемой равноправия в ЕАЭС, там особо подчеркивают экономико-интеграционный характер этого объединения и свое отрицательное отношение к созданию наднациональных политических органов. В поле таких подходов находится и отказ Казахстана присоединиться к российскому эмбарго на ее продукцию в ответ на западные санкции в отношении Москвы. Кстати, Китай, не последовав такому шагу России, к тому же расширил свои связи с ЕС, США, Норвегией, Канадой, Австралией, Исландией и другими странами, вставшими на путь введения санкций против России. Образовавшуюся, таким образом, брешь в мировой торговле незамедлительно заполняли в том числе и центральноазиатские страны и Китай.

Словом, политические сложности во взаимоотношениях в ЕАЭС служат предпосылкой трудностей сопряжения его проектов с ЭПШП. Они — не что иное, как реальность противоречивости становления глобальной институционализации, в том числе и на пространстве взаимодействия ЭПШП и ЕАЭС.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Бочаров М. Яркий пример стратегического партнерства на постсоветском пространстве // Консул. 2015. № 3–4 (41).

¹ Колесников А. Воинствующий молочник // Коммерсантъ, 19 сентября 2015 г.

² Колесников А. Битва за мясо под солнцем // Коммерсантъ, 17 сентября 2015 г.

³ Строкань С. Нурсултан Назарбаев вступился за независимость // Коммерсантъ, 1 сентября 2015 г.

⁴ Арбатова Н. Новая региональная реальность // Независимая газета, 16 сентября 2015 г.

2. Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб. : изд-во СПбГУ, 2005.
3. Косов Ю. В., Фролов В. Е. О перспективах расширения Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 59–65.
4. Лукин А. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 84–98
5. Мещеряков К. Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг.: Автореф. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.
6. Шамахов В. А. Многовекторность процесса евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 8–14.
7. Шмелев Н. П. Россия в дихотомии Востока-Запада через 50 лет // Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах / председатель ред. совета В. В. Наумкин. М. : Грифон, 2012.

References

1. Bocharov M. A. *Striking example of strategic partnership in the former Soviet Union* [Yarkii primer strategicheskogo partnerstva na postsovetskom prostranstve]. Consul [Konsul], 2015, N 3–4 (41), P. 12.
2. Zeleneva I. V. *Geopolitics and geostrategy of Russia (XVIII – the first half of the 19th century)* [Geopolitika i geostrategiya Rossii (XVIII — pervaya polovina XIX veka)]. SPb.: publishing house of St. Petersburg State University [izd-vo SPbGU], 2005.
3. Kosov Yu. V., Frolov V. E. *On Prospects of Expansion of the Eurasian Economic Union* [O perspektivakh rasshireniya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. No. 11, P. 59–65.
4. Lukin A. *Idea of “Economic Belt of the Silk Way” and Eurasian integration* [Ideya «ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti» i evraziiskaya integratsiya] // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2014. N 7. P. 84–98
5. Meshcheryakov K. E. *Evolution of foreign policy of the Russian Federation in Central Asia in 1991-2012* [Evolutsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii v Tsentral'noi Azii v 1991–2012 gg.]. Dissertation abstract. SPb., 2014.
6. Shamakhov V. A. *Multivector Nature of the Eurasian Integration Process* [Mnogovektornost' protsessa evraziiskoi integratsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 11, P. 8–14.
7. Shmelyov N. P. *Russia in the East-West dichotomy in 50 years* [Rossiya v dikhotomii Vostoka-Zapada cherez 50 let] // Trinity: Russia before the close East and the near West. Scientific and literary almanac [Triedinstvo: Rossiya pered blizkim Vostokom i nedalekim Zapadom. Nauchno-literaturnyi al'manak] / Chairman of editorial council V. V. Naumkin. Issue 1st, enlarged. M.: Griffon, 2012.